

СВЯТОСТЬ БРАЧНАГО СОЮЗА.

ПУБЛИЧНОЕ ЧТЕНИЕ *).

Вступленіе. — Дикость и одичаніе. — Созданіе жены и установленіе брака, какъ духовно-нравственнаго союза. — Браки ветхозавѣтныхъ патриарховъ. — Законы Моисеевы, ограждающіе святость брака. — Бракъ по ученію Христа и апостола Павла. — Законы новозавѣтной церкви возникшіе изъ понятія о святости брака. — Бракоборцы во времена ближайшія къ Апостольскимъ. — Американскія бракоборческія секты. — Бракоборство Фетосѣвцевъ, нигилистовъ и социалистовъ. — Уклоненіе отъ брака ко склонности къ безпорядочной жизни. — Оскорбленіе святости брака со стороны суируговъ. — Современные толки о разводахъ и гражданскихъ бракахъ.

Святѣйшій Синодъ православной русской церкви, по поводу горестнаго событія 1-го марта минувшаго года, обратился къ чадамъ церкви съ пастырскимъ посланіемъ, въ которомъ, исповѣдуя грозное посѣщеніе гнѣва Божія за наши грѣхи, призываетъ всѣхъ къ покаянію. Между грѣхами, навлекшими гнѣвъ Божій, св. Синодъ указываетъ на нестроеніе въ семейной жизни. Обязанность противодѣйствовать имъ, равно какъ и всякимъ другимъ нестроеніямъ въ жизни нравственной, господствующимъ въ обществѣ, лежитъ преимущественно на служителяхъ церкви. Принимая къ сердцу эту святую обязанность, мы въ настоящій разъ беремъ на себя трудъ занять вниманіе досточтимаго собранія чтеніемъ о святости брачнаго союза, въ виду фальшивыхъ ходячихъ воззрѣній на этотъ предметъ и грубыхъ грѣховъ, имѣющихъ связь съ ними.

*) Происходило 17 января 1832. г. въ залѣ Московской городской Думы.

Есть теорія, которая утверждаетъ, что человѣческій родъ началъ исторію своего существованія съ дикаго состоянія, близкаго къ жизни безсловесныхъ, и что онъ сталъ выходить изъ этого состоянія медленнымъ путемъ постепенности. Прошло нѣсколько тысячелѣтій прежде чѣмъ животныя инстинкты смѣнились въ людяхъ разумными и нравственными потребностями, прежде чѣмъ они дошли до состоянія, которое принято называть культурнымъ или цивилизаціею. Само собою разумѣется, что по смыслу этой теоріи у первобытныхъ людей не было понятія о бракѣ, какъ о союзѣ не физическомъ только, но и нравственномъ. Возможно было одно дикое половое совокупленіе съ кѣмъ попало. Сношенія половъ были чисто случайныя и кратковременныя, — въ основаніи ихъ не лежало никакого нравственнаго обязательства. Дѣти, раждавшіяся отъ такихъ родителей, не знали, кто у нихъ отецъ, — знали одну мать и до тѣхъ только поръ, пока находились на ея рукахъ, пока питались ея молокомъ. Какъ только они становились на ноги и начинали жить сами по себѣ, у нихъ, какъ и у безсловесныхъ, порывалась всякая связь съ матерью. — Такъ проповѣдуетъ теорія, опираясь на томъ, что и въ настоящее время у нѣкоторыхъ племенъ, не вышедшихъ изъ дикаго состоянія, брака тоже нѣтъ. Но такъ ли говоритъ исторія, не та исторія, которая создается на основаніи данныхъ, допускающихъ разнообразное до противорѣчія толкованіе, на основаніи археологическихъ открытій и геологическихъ изслѣдованій, доказывающихъ якобы неоспоримо, будто дикость была первоначальнымъ

состояніемъ человѣчества,—но исторія подлинная, сообщающая свѣдѣнія о началѣ человѣческаго рода не догадочныя, не предположительныя, но твердыя и положительныя? Къ счастью, мы имѣемъ такую исторію; до насъ изъ глубины тысячелѣтій дошелъ письменный историческій памятникъ, значенія котораго можно не цѣнить только подъ вліяніемъ предвзятыхъ мнѣній не въ пользу его. Что же открывается при знакомствѣ съ этимъ памятикомъ? Открывается, что дикость, которую почитаютъ первоначальнымъ состояніемъ людей, отнюдь не есть первоначальное состоятіе, что ей предшествовало высокое духовное совершенство. Человѣкъ писалъ съ этой высоты и, падая глубже и глубже, дошелъ до дикости, точнѣе—до одичанія, въ которомъ утрачены были первоначальныя воззрѣнія на бракъ, какъ на союзъ нравственный, и смѣнились владычествомъ грубыхъ животныхъ инстинктовъ.—Раскрываемъ книгу Бытія, и вотъ что узнаемъ на первыхъ страницахъ ея.

Человѣкъ является на свѣтъ Божій вѣнцемъ земныхъ твореній. Самымъ образомъ сотворенія онъ поставляется на неизмѣримую высоту предъ ними. Прочія земныя существа получаютъ бытіе по единому божественному повелѣнію, и души животныхъ вмѣстѣ съ тѣлами въ одно и то же мгновеніе творятся и притомъ изъ одного и того же вещества,—изъ земли и воды. Но въ созданіи человѣка видно многосложное дѣйствіе Божескаго всемогущества. Созданію человѣка предшествуетъ совѣщаніе между лицами св. Троицы. Потомъ тѣло человѣка образуется изъ земной персти, но душа творится чрезъ пе-

посредственное дыханіе устъ Божіихъ. Въ отличіе отъ всѣхъ живыхъ существъ человѣкъ украшается образомъ и подобіемъ Божиимъ, т.-е. получаетъ начатки духовныхъ совершенствъ Божіихъ и способность къ нескончаемому духовному развитію,—и вмѣстѣ съ тѣмъ даруется ему владычество надъ земными тварями, которое онъ вскорѣ проявилъ въ нареченіи именъ животнымъ. Какъ все это не похоже на воображаемое нѣкоторыми первоначальное сходство человѣка съ животными!—Въ созданіи жены для Адама и въ установленіи брака усматривается новое не менѣ разительное свидѣтельство о превосходствѣ человѣка предъ животными. Животныя мужескаго пола творятся въ одно мгновеніе съ животнымъ женскаго пола и притомъ творятся вдругъ въ огромномъ количествѣ. Надлежало сотворить и для человѣка парное ему существо. Самъ Господь, когда сотворилъ Адама и водворилъ его въ раю, сказалъ: „не хорошо быть человѣку одному; сотворимъ ему помощника, соотвѣтствующаго ему“ (Быт 2, 18). Сколько времени прошло между сотвореніемъ мужа и сотвореніемъ жены, неизвѣстно; но важно то, что былъ промежутокъ, большой или малый — все равно. Это обстоятельство весьма знаменательно въ устроеніи супружескаго сожитія. Мужу потому не вдругъ дается жена, какъ это было въ мірѣ животныхъ.—что мужъ, прежде чѣмъ получить жену, долженъ былъ додуматься до необходимости имѣть ее, самъ восчувствовать потребность въ ней. Творецъ готовъ былъ дать ему жену, но Онъ ожидалъ запроса, чтобы сдѣлать предложеніе. Дару предшество-

вало свободное желаніе получить его. Господь не навязываетъ Адаму даръ, являя уваженіе къ нравственной свободѣ существа, которое Онъ же одарилъ разумомъ и свободою. Такимъ образомъ предполагалось присутствіе въ человѣкѣ нравственного начала, когда его свободному усмотрѣнію предоставлено было рѣшить, нужна ли ему жена. Если подобное право не дано было животнымъ, то это потому, что они лишены начала нравственной свободы. — Посмотримъ теперь, какъ Адамъ воспользуется, предоставленнымъ ему правомъ рѣшить вопросъ о женѣ. По манію Творца являются къ нему, какъ своему владыкѣ, представители разныхъ породъ животного царства, — звѣрей и птицъ. Адамъ уже пользуется даромъ слова и соотвѣтственно отличительнымъ ихъ свойствамъ вслухъ нарекаетъ имъ имена. *Но не обрѣтется между ними помощникъ подобный ему* (Быт. 2, 20). Это значитъ, что между неразумными онъ не нашелъ ни одного разумнаго существа, съ которымъ бы онъ могъ раздѣлить владычество надъ земными тварями, предстоявшіе ему труды, мысли и чувства. Членораздѣльные звуки, въ которые онъ облекалъ свои мысли и сужденія, замирали въ воздухѣ безъ разумнаго на нихъ отзыва, мысли оставались безъ общія. Окруженный многочисленными животными, Адамъ не могъ не почувствовать своего одиночества. Силою свободного разсужденія онъ пришелъ къ мысли о неполнотѣ своего существа, о нуждѣ для восполненія себя въ подобномъ ему существѣ. А подъ вліяніемъ наблюденія, что окружающія его животныя сотворены четами, съ этою мыслию соединилось въ

немъ желаніе сожитія съ существомъ не только подобнымъ ему по природѣ, но и парнымъ ему. Это въ высшей степени знаменательно. Здѣсь заранее предугазано свойство отношеній мужа и жены: въ мысли Адама это отношеніе чуждо животнаго характера, — ему нужна была *помощница подобная ему*, слѣдственно помощница не въ однихъ тѣлесныхъ трудахъ, но и иначе въ нравственномъ смыслѣ. Какъ хорошо было бы, рассуждалъ онъ про себя, имѣть подлѣ себя существо, которое бы меня понимало, принимало участіе въ моемъ господствѣ надъ міромъ неразумнымъ и заодно со мною стремилось къ достиженію высокихъ цѣлей, указанныхъ мнѣ Творцемъ! — Идея помощницы въ этомъ смыслѣ могла возникнуть въ головѣ только человѣка, а отнюдь ничего подобнаго этой идеѣ не могло зародиться въ душѣ безсловесной твари. И только потребность помощницы въ указанномъ смыслѣ могла послужить основаніемъ сожитія мужа и жены, могла возвысить это сожитіе до нравственного достоинства. — Пойдемъ далѣе. Господь созидаетъ Адаму жену изъ ребра его. Этимъ способомъ сотворенія жены Господь даетъ уразумѣть, что мужъ и жена въ человѣческомъ родѣ предназначаются для сожитія болѣе тѣснаго, чѣмъ четы животныхъ (самки и самцы). Животныя женскаго пола произошли не отъ животныхъ мужскаго пола, а отдѣльно, изъ одинаковаго съ ними вещества. Это значило, что тѣ и другія не связаны закономъ неразрывнаго сожитія. Единственная цѣль созданія животныхъ по четамъ состояла въ распространеніи рода, а для достиженія этой цѣли

четахъ животныхъ нѣтъ необходимости въ неразрывномъ сожителствѣ. Не такія отношенія предназначены мужу и женѣ въ человѣческомъ родѣ. Происхожденіе жены отъ мужа знаменуетъ, что они сотворены для неразрывнаго единенія не только физическаго, но и нравственнаго. что они должны блюсти супружескую вѣрность, принадлежать другъ другу нераздѣльно и сожителствовать не для рожденія только дѣтей, а вмѣстѣ для воспитанія ихъ общими усиліями. Долгъ неразрывнаго сожитія можетъ быть исполненъ только въ единобрачїи. Мысль о единобрачїи вытекаетъ также изъ сотворенія одной только жены для мужа. «Еслибы Богъ хотѣлъ, говоритъ святой Златоустъ, чтобы жену оставляли и брали другую, то сотворилъ бы одного мужчину и много женщинъ». Еслибы, прибавимъ, Богу угодно было мужу въ одно время имѣть нѣсколько женъ, то Онъ далъ бы Адаму нѣсколько женъ. Единобрачїе подтверждено словами Господа, которыя изрекъ Онъ (Мат. 19, 4. 5), чрезъ Моисея или чрезъ Адама, по поводу созданія Адаму жены изъ ребра его: *сего ради* (т.-е. вслѣдствіе того, что жена отъ мужа взята бысть) *оставитъ человекъ отца своего и мать, и прильпится къ женѣ своей: и будутъ два въ плоть едину* (Быт. 2, 24). Къ многоженству непримѣнимы ясныя слова: *будутъ два*,—именно двое, не больше, единою плотію, какъ бы однимъ лицомъ. Само собою разумѣется, что плотское единство въ семъ случаѣ основывается на нравственномъ началѣ, на сознаніи нравственнаго закона или долга супружеской вѣрности, нераздѣльнаго сожитія: ибо только это сознаніе

можетъ удерживать человѣка отъ увлеченій чисто животныхъ, обуздывать чувственные инстинкты, не разбирающіе, что законно, что нѣтъ. Мысль о нравственномъ характерѣ отношеній вытекаетъ также изъ словъ Адама, увидѣвшаго въ первый разъ жену: „се нынѣ кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моей. Сія наречется жена (*иша*, то-есть *мужиня*), яко отъ мужа (*ишг*) взята бысть сія“ (Быт. 2, 23). Ближайшимъ образомъ Адамъ, произнося сія слова, имѣлъ въ виду физическое единство съ женою, отъ него происшедшею съ одинаковою съ нимъ природою, и отличающеюся отъ него только поломъ; но нельзя не признать, что въ то же время онъ, хоть и не вполне ясно, сознавалъ обязанность жить съ нею душа въ душу, какъ съ существомъ обладающимъ одинаковыми духовными, человѣческими, ибо она такой же человѣкъ (*иша*) какъ и онъ (*ишг*), — достоинствами, — сознавалъ, что онъ не можетъ отдѣлять интересовъ своей жизни отъ ея интересовъ, — не можетъ на примѣръ унизить жены не унижая себя самого; — признавалъ, что онъ долженъ заботиться о женѣ, любить ее, какъ самого себя, — ибо „никто же когда плоть свою возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю“ (Еф. 5, 29). — Весьма далѣе знаменательно то, что Богъ не только создалъ Адаму жену, но и *привелъ ее къ нему* (Быт. 2, 22). Если Господь не предоставилъ одному инстинкту соединеніе мужа и жены, а счелъ нужнымъ явить свое непосредственное участіе въ устройствѣ ихъ супружескихъ отношеній, если Онъ самъ привелъ жену къ мужу, — то что это значитъ, какъ не то, что Господь сооб-

щилъ особенное благословеніе и освященіе ихъ супружескому союзу? Въ актѣ приведенія самимъ Богомъ жены къ мужу, заключается первообразъ тѣхъ религіозныхъ дѣйствій, которыми впослѣдствіи принято освящать брачныя союзы. — Созданіе жены отъ мужа указываетъ наконецъ на зависимость ея отъ мужа. — По слову Апостола „мужъ есть глава жены (1 Кор. 11, 8), и на женѣ отражается слава мужа (—7)“ ибо не мужъ отъ жены, но жена отъ мужа, и не мужъ созданъ для жены, но жена для мужа“ (—8. 9). Эта зависимость жены отъ мужа должна была увеличиться послѣ грѣхопаденія. „И той тобою обладати будетъ“ (Быт. 3, 16), сказалъ Господь женѣ, изрекая ей свой приговоръ въ наказаніе за то, что она не только сама преступила заповѣдь Божію, но и вовлекла въ преступленіе мужа. Эта зависимость жены отъ мужа была тяжела особенно въ язычествѣ, — язычество смотрѣло на нее, какъ на невольницу. Христіанство утвердило равноправность жены и мужа; ибо во Христѣ Иисусѣ нѣтъ мужескаго пола и женскаго (Гал. 3, 38. Еф. 5, 22). Но и христіанская вѣра внушаетъ женѣ, что она, равноправная съ мужемъ въ религіозномъ отношеніи, — не должна забывать своего подчиненія ему, какъ своему главѣ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, — должна повиноваться мужу, какъ Господу (Еф. 5, 22). — Такимъ образомъ женскій вопросъ, поднятый съ особенною настойчивостію въ наше время, — съ самаго начала исторіи человѣчества, рѣшенъ не такъ, какъ хотѣлось бы современнымъ ревнителямъ женской эманципаціи.

Изъ сдѣланнаго нами анализа обстоятельствъ установленія брака открылось, что бракъ есть не физическій только, но и нравственный союзъ,—неразрывный, исключаящій многоженство союзъ,—благословенный Богомъ союзъ, слѣдственно святой союзъ.)

Обратимся къ дальнѣйшимъ временамъ. Законъ о единобрачїи былъ свято соблюдаетъ донотопными патриархами. Отступленіе отъ этого закона представляетъ одинъ примѣръ—Каинита Ламеха (Быт. 4, 19—22). Что послѣ потопа до Моисея господствовало единобрачїе, это открывается изъ того, что Авраамъ думалъ передать права наслѣдованія на свое имущество постороннему лицу, потому что не имѣлъ дѣтей отъ законной жены (Быт. 15, 2. 3), тогда какъ, еслибы въ обычаѣ было многобрачїе, онъ могъ бы взять другую жену и прижить отъ ней желаннаго наслѣдника—сына. Сынъ Авраама Исаакъ имѣлъ одну жену—Ревекку. Иаковъ былъ женатъ на двухъ женахъ; но это, какъ извѣстно, произошло не отъ доброй его воли, а отъ того, что онъ былъ обманутъ своимъ тестемъ и принужденъ былъ жениться на нелюбимой имъ Лїи единственно потому, что иначе могъ лишиться руки Рахили. Если братъ Иакова Исавъ женатъ былъ на двухъ хананеянкахъ и сверхъ того на одной единоплеменницѣ (Быт. 28, 9; 36, 2), на это надо смотрѣть, какъ на проявленіе чувственной необузданности Исава; по этой причинѣ онъ пренебрегъ правомъ первородства,—она же увлекла его къ пренебреженію обычая единобрачїя.—Женитьба Исава на двухъ хананеянкахъ причинила много горя

родителямъ его не потому только, что была нарушеніемъ этого обычая, но также потому, что хананеи были нечестивымъ племенемъ. Вотъ почему Исаакъ заповѣдалъ Іакову не брать жены изъ дочерей хананейскихъ (Быт. 28, 1. 6). Только уваженіемъ къ нравственно - религіозному значенію брака можно объяснять то, что во дни патріарховъ нетерпимы были брачные союзы съ иноплеменицами. — Наложничество существовало даже въ средѣ благочестивыхъ патріарховъ, какъ показываютъ примѣры Авраама и Іакова; но оно было слѣдствіемъ ревности ихъ законныхъ женъ имѣть дѣтей по крайней мѣрѣ чрезъ своихъ рабынь: оно навязываемо было мужьямъ женами. — О разводахъ во дни патріарховъ нѣтъ извѣстій. — Были ли какіе религіозные обряды при заключеніи брака, нѣтъ извѣстій въ библейскихъ сказаніяхъ до Моисея и послѣ Моисея. Но въ позднѣйшее время былъ употребляемъ слѣдующій обрядъ, вѣроятно сохранившійся отъ древнѣйшихъ временъ: отецъ жениха бралъ невѣсту за руку, подводилъ ее къ сыну и, сложивши ихъ правыя руки, благословлялъ ихъ, говоря: „да будетъ Богъ Авраама и Іакова съ вами, да содѣлаетъ Онъ васъ счастливыми; живите честно, я васъ благословляю“ (Брачное право древняго Востока. А. Осипова 1, 186).

Послѣ патріарховъ святость брачнаго союза была ограждена законами Моисея. Порча нравовъ, проникавшая въ среду народа Божія отъ язычниковъ, могла бы самымъ пагубнымъ образомъ отознаться на супружескихъ отношеніяхъ, еслибы ея вліяніе на нихъ не ослаблено

было законами Моисея. Правда, Моисей не возбранялъ двоеженства и вообще полигаміи, имѣя въ виду любовь Евреевъ къ многочадію и воззрѣніе ихъ на него, какъ на дѣйствіе благословенія Божія (Исх. 21, 9; Лев. 18, 18. Второз. 21, 15—17); но при этомъ онъ далъ предписанія, которыя въ значительной мѣрѣ должны были препятствовать распространенію полигаміи. Такъ царямъ, которые болѣе другихъ имѣли бы средствъ къ содержанію многихъ женъ, законъ Моисеевъ запрещаетъ умноженіе ихъ (Втор. 17, 17). Стало-быть подданные еще болѣе должны были ограничивать себя въ этомъ отношеніи. Далѣе: законъ Моисеевъ не позволяетъ быть скопцамъ въ сонмѣ Господнемъ (Второз. 23, 1), и чтобы внушить отвращеніе къ скопчеству, даже оскотенныхъ скотовъ признаетъ нечистыми, негодными для жертвоприношенія (Лев. 22, 24). Но безъ евнуховъ не могутъ существовать гаремы. Отсутствие скопцевъ въ народѣ избранномъ было причиною, что цари Израильскіе, которые, въ противность закону Моисееву, не желая стоять ниже иноземныхъ восточныхъ царей, имѣли многолюдные гаремы, вынуждены бывали выписывать стражей для нихъ изъ-заграницы (Археол. Яна). — Законы тѣлесной чистоты въ соединеніи съ супружескими обязанностями (Лев. 15, 18), представляли новыя затрудненія для многоженцевъ. — Запрещеніе вступать въ супружества съ хананеянами, какъ опасныя для благочестія народа Божія (Второз. 7, 3. Исх. 34, 16), имѣло также связь съ уваженіемъ къ святости брака. Свидѣтельствомъ того же уваженія служило запрещеніе

вступать въ бракъ въ близкихъ степеняхъ родства, какъ это было въ обычаѣ у большей части языческихъ народовъ, въ особенности у племенъ хананейскихъ *). Открывать наготу ближнихъ родственниковъ значило осквернить себя и святую землю: пусть скверняютъ себя этимъ другія народы, отвергнутые Господомъ (Лев. 18, 6—2). Кто возьметъ себѣ жену и мать ея, тотъ долженъ быть сожженъ вмѣстѣ съ ними (Лев. 20, 13—16).—Для обузданія чувственности законъ требуетъ умѣренности въ супружескихъ наслажденіяхъ. Въ иное время они даже совершенно запрещались. «Къ женѣ въ отлученіи нечистоты да не виидеши», и въ случаѣ неповиновенія узаконяется: „да истребятся оба отъ рода ихъ“ (Лев. 18, 19; 20, 18).—Въ тѣхъже нравственныхъ цѣляхъ законъ строго каралъ за прелюбодѣяніе и потерю дѣвства. За нарушеніе супружеской вѣрности подвергались смертной казни не женщины только, какъ это было въ законодательствѣ древнихъ народовъ и позднѣе у Римлянъ,—но и мужчины (Лев. 20, 16. Втор. 22, 22).

Къ поддержанію уваженія къ святости брачнаго союза направлены были также Моисеевы законы о разводѣ. По снисхожденію къ жестокосердію, къ грубости Евреевъ, хотя имъ дозволенъ былъ разводъ съ женами, но при условіяхъ довольно стѣснительныхъ. Право искать развода предоставлено было одному мужу, онъ былъ

*) Исключеніе было допущено только въ пользу древняго права ужичества (*левирата*), по которому братъ, или другой ближій родственникъ долженъ былъ жениться на вдовѣ его, чтобы возстановить сѣмя своему умершему бездѣтнымъ брату или родственнику.

единственнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ,—но это право отнималось у мужа, если онъ вынужденъ былъ жениться на обольщенной имъ дѣвицѣ (Втор. 22, 2), или если онъ, въ первый день брака оклеветаетъ молодую жену въ несохраненіи дѣвства до брака. Въ послѣднемъ случаѣ, когда клевета обнаружится, клеветникъ въ наказаніе за оскорбленіе нанесенное имъ женѣ, не только не могъ развестись съ нею во всю жизнь, но еще подвергался тѣлесному наказанію и денежному штрафу (Втор. 22, 13—21). Свободѣ развода не благопріятствовало также то, что разводъ долженъ былъ происходить не по своеправію мужа, но вслѣдствіе преступленія, за женою имъ замѣченнаго,—вслѣдствіе того, если онъ найдетъ въ ней „нѣчто срамное“ (Втор. 24, 1). Нѣчто срамное могло относиться и къ супружеской невѣрности. Но законъ не требовалъ отъ мужа формальныхъ доказательствъ этого преступленія, конечно по человеколюбію, ибо такія доказательства могли бы имѣть слѣдствіемъ осужденіе виновной на смерть.—Притомъ по какой бы причинѣ ни происходилъ разводъ, онъ долженъ былъ происходить не словесно, а письменно. Для составленія письменнаго акта надобно было обратиться къ левитамъ, какъ общественнымъ писцамъ; для подписанія его надобно было подыскать свидѣтелей. Эти формальности требовали немало времени и хлопотъ. Это способствовало къ охлажденію первыхъ порывовъ негодованія на жену и къ безпристрастному обсужденію дѣла, тѣмъ паче что и постороннія лица, которыхъ надлежало вводить въ дѣла, особенно левиты,

какъ блюстители и толкователи закона, могли дѣлать попытки къ примиренію супруговъ.—Наконецъ законъ Моисеевъ съ цѣлію огражденія святости брака запрещаетъ возстановленіе расторгнутаго супружества, какъ скоро отпущенная жена нашла себѣ новаго мужа,— даже въ томъ случаѣ, когда бы новый бракъ ея прекратился смертію ея послѣдняго мужа или разводомъ съ нимъ. Вторичное принятіе такой жены было бы, по словамъ закона, мерзостію предъ Господомъ и оскверненіемъ святой земли (Второз. 24, 4). Жены въ такихъ случаяхъ мѣнялись бы какъ имущество и обращались бы въ вещь, которая по прихоти стала бы переходить отъ одного къ другому и снова возвращаться къ своему прежнему владѣльцу. Бракъ утратилъ бы тогда нравственное значеніе. Вотъ почему своевольные разводы были строго обличаемы пророкомъ Малахіею, какъ противныя духу Моисеева закона (Мал. 12, 14—19).

Нравственно-религіозное значеніе брака еще болѣе возвышено со времени пришествія Христова. Въ семъ отношеніи уже то знаменательно, что самъ Господь Іисусъ удостоилъ своимъ присутствіемъ бракъ въ Канѣ Галилейской и совершилъ здѣсь первое извѣстное чудо. На присутствіе Христа на брачномъ канскомъ торжествѣ церковь взираетъ, какъ на изъявленіе благословенія законному браку. Въ чинѣ вѣнчанія она исповѣдуетъ, что Христосъ „пришелъ въ Кану Галилейскую и тамъ бракъ благословилъ, да явить, яко Его воля есть законное супружество и еже изъ него чадотвореніе, что Онъ сподобилъ въ Канѣ Галилейской явить досто-

честность брака“,—и умоляетъ Его, чтобы Онъ благословилъ совершаемое бракосочетаніе невидимымъ своимъ присутствіемъ, какъ Онъ благословилъ бракъ въ Канѣ Своимъ прішествіемъ“ (1-ая молитва въ чинѣ вѣнчанія и молитва по Евангеліи). Бракъ есть основа семейной жизни. Нельзя поэтому не видѣть особеннаго благоволенія Божія къ ней въ томъ, что какъ первымъ дѣломъ Творца по созданіи мужа и жены было благословеніе имъ плодиться и размножаться, такъ однимъ изъ первыхъ дѣлъ Обновителя человѣчества было благословеніе брачнаго сожитія и чадородія, съ тѣмъ, безъ сомнѣнія, чтобы члены семьи были вмѣстѣ членами Его церкви. Но Христосъ не ограничился тѣмъ, что подтвердилъ изначальное благословеніе брачной жизни. Онъ еще возстановилъ въ первоначальной силѣ законъ о бракѣ. Вопреки Моисееву закону, позволявшему, хотя и затруднявшему расторгеніе брака, и особенно вопреки мнѣнію фарисеевъ, допускаявшихъ безусловную свободу развода, новый законодатель Христосъ рѣшительно воспрещаетъ разводъ. На вопросъ фарисеевъ: „по всякой ли причинѣ позволительно разводиться съ женою?“ Онъ указалъ на первоначальный законъ единства и неразрывности брака, установленный при самомъ сотвореніи первой четы, и прибавилъ: „еже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ“. Но фарисеи не удовлетворились Его отвѣтомъ и сказали Ему: «какъ же Моисей заповѣдалъ давать разводное письмо?» Иисусъ, не подрывая авторитета Моисеевой заповѣди, объяснялъ ея происхожденіе жестокосердіемъ, т.-е. грубостію Евреевъ.

Указывая на эту грубость, Христосъ, по словамъ Зла-тоуста, имѣлъ въ виду то, что Евреи неспособны были съ кротостію, терпѣніемъ и самоотверженіемъ переносить недостатки жены; потому Моисей съ намѣреніемъ предотвратитъ одно зло — большее — допущеніемъ другаго меньшаго, позволяя имъ разводъ, — не дай имъ этого дозволенія, они пожалуй стали бы убивать женъ. „Изначала не такъ было“, — сказалъ Христосъ фарисеямъ, и продолжалъ: „кто разведется съ женою своею не за прелюбодѣяніе и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ, и женившійся на разведенной прелюбодѣйствуетъ“ (Мат. 19, 3—9. Марк. 10, 2—12). А въ другой разъ Онъ сказалъ, что даже разведенной женѣ, хотя бы она была безвинно оставлена мужемъ, дается поводъ прелюбодѣйствовать (Мат. 5, 32). — Само собою разумѣется, что слова Христовы, не благопріятствуя разводу, выѣстъ съ тѣмъ исключаютъ мысль о дозволительности многоженства.

Св. апостолъ Павелъ не только повторяетъ ученіе Христа о нерасторжимости брака вообще (1 Кор. 7, 10), но еще проповѣдуетъ о нерасторжимости смѣшанныхъ браковъ, т.-е. браковъ лицъ, изъ которыхъ одно по вступленіи въ бракъ приняло христіанскую вѣру, другое же осталось въ язычествѣ. Апостолъ утверждаетъ, что невѣрующій мужъ освящается вѣрующею женою, и можетъ быть спасенъ ею, равно какъ и невѣрующая жена освящается и можетъ быть спасена вѣрующимъ мужемъ. Расторженіе такихъ браковъ можетъ быть допущено только въ томъ случаѣ, если того пожелаетъ

невѣрующее лице (1 Кор. 7, 12—16). Но если не лишенъ святости бракъ христіанина съ язычницею или христіанки съ язычникомъ, то не паче ли святъ бракъ чисто христіанскій? И эту-то святость христіанскаго брака имѣеть въ виду Апостоль, когда говоритъ, что вдова можетъ вступить во второй бракъ *точію о Господѣ* (1 Кор. 7, 39). Выраженіе: *о Господѣ*, даетъ видѣть, что брачный союзъ христіанъ долженъ совпасть съ мыслию о Господѣ, во имя, во славу Его, слѣдственно имѣть религіозное освященіе. Разумѣется ли въ семъ случаѣ освященіе брака чрезъ особое священнодѣйствіе, именно таинство, — не видно. За то Апостоль довольно ясно говоритъ о таинствѣ брака въ другомъ мѣстѣ. Ученіе о семъ таинствѣ содержитсяъ въ слѣдующихъ его словахъ: *тайна сія*, — то есть тайна отношеній мужа и жены, какъ единой плоти (о чемъ была у него предъ симъ рѣчь), — *велика есть. Азъ же глаголю во Христа и во церковь* (Еф. 5, 31. 32). Сими словами Апостоль возвышаетъ христіанскій бракъ до значенія союза Христа съ церковію. Союзъ Христа съ церковію, какъ главы съ тѣломъ, есть союзъ таинственный, ибо непостижимый. На эту таинственность указываетъ союзъ мужа съ женою — физическій и нравственный, ибо, по словамъ св. Златоуста, также представляется нѣчто непостижимое въ томъ, какъ это человѣкъ для жены бросаетъ самыя кровныя связи съ отцемъ и матерью, и сливается съ существомъ, дотолѣ ему чужимъ. — Далѣе, — что главнѣе всего въ ученіи о бракѣ, какъ таинствѣ, — союзъ Хрис-

та съ церковію есть союзъ благодатный, устрояемый посредствомъ таинства крещенія, чрезъ которое члены церкви облачаются въ Христа, т. - е. вступаютъ въ такое близкое общеніе съ Нимъ, какъ рубахка близка къ тѣлу. Соотвѣтственно сему и христіанскому браку потребна благодать, которая и сообщается ему въ таинствѣ, — безъ нея онъ не можетъ быть образомъ союза Христа съ церковью. Ибо что требуется для того, чтобы бракъ былъ достойнымъ образомъ этого таинственного союза? Требуется, по слову Апостола, слѣдующее: «якоже церковь повинуется Христу, такжеже и жены своимъ мужемъ во всемъ. Мужіе любите своя жены, якоже Христосъ возлюбилъ церковь и себе предаде за ню» (Еф. 5. 24. 25). Здѣсь Апостолъ устанавливаетъ такое отношеніе между мужемъ и женою, которое можетъ быть соблюдаемо не иначе какъ при содѣйствіи всемогущей благодати. И эта благодать сообщается въ таинствѣ брака. Должно думать, что самъ Христосъ установилъ это таинство, тогда ли когда Онъ изрекъ: «яже Богъ сочета, чело вѣкъ да не разлучаетъ», — или въ промежутокъ времени между своимъ воскресеніемъ и вознесеніемъ на небо, когда Онъ преподавалъ Апостоламъ наставленія объ устроении царствія Божія, т. - е. своей церкви (Дѣян. 1, 3).

Чинъ священнодѣйствія брака, какъ таинства, не вдругъ, безъ сомнѣнія, принялъ настоящій видъ, но постепенно развивался, какъ и всѣ церковныя службы. Что церковное благословеніе и освященіе для брака во всѣ вѣка существованія Христовой церкви признаваемо было необходимымъ, это видно изъ многочисленныхъ

свидѣтельствъ въ писаніяхъ отцевъ и учителей церкви и въ правилахъ соборныхъ. Намъ не достало бы времени перечислить всѣ эти свидѣтельства (см. ихъ въ Догматическихкихъ Богословіяхъ преосвященныхъ Макарія и Филарета черниговскаго). Замѣтимъ только, что въ греко-римской имперіи церковныя правила относительно брака долго не находили поддержки въ гражданскихъ законахъ, сохранявшихся отъ временъ язычества. Уже со временъ Іустиніана законодательство гражданское по отношенію къ бракамъ начало приближаться къ церковному. Іустиніанъ по крайней мѣрѣ требовалъ, чтобы бракъ заключался при свидѣтеляхъ духовныхъ и при церковномъ чписникѣ (екдикѣ). Императоръ Левъ Мудрый около 900 года издалъ законъ о томъ, чтобы браки, заключаемые безъ священническаго благословенія, не считались дѣйствительными, — и дозволенное до сего времени гражданскими законами наложничество запретилъ. Императоръ Алексѣй Комнинъ (1081—1118) издалъ постановленіе о церковномъ вѣнчаніи браковъ, еще болѣе строгое и рѣшительное. До сего времени вступали въ бракъ съ церковнымъ благословеніемъ только свободные граждане, рабы же лишаемы были сего благословенія произволомъ господъ. По законамъ римской имперіи рабъ былъ собственностію господина, какъ вещь. Права, принадлежавшія свободному гражданину во всѣхъ его состояніяхъ, даже въ жизни семейной, для раба были чужды, и потому рабы не могли состоять въ дѣйствительномъ брачномъ союзѣ, а могли находиться только въ незаконномъ сожителствѣ съ женами. При распростра-

неніи христіанства языческій взглядъ на рабство не вдругъ могъ примириться съ новымъ ученіемъ о равенствѣ рабовъ и господъ предъ лицомъ вѣры. Этотъ взглядъ удержался и въ брачныхъ дѣлахъ рабовъ-христіанъ: господа не позволяли имъ вѣнчаться по церковному изъ опасенія, что рабы, пользуясь съ ними одинаковыми правами въ нѣдрахъ церкви, сдѣлаются свободными. Алексѣй Комнинъ объявилъ, что господа, сочетавшіе своихъ рабовъ безъ священнословія, утверждають блудное сожитіе, и что если они по прежнему будутъ поступать такъ съ рабами, то не только повинны будутъ Божію гнѣву, но и лишены будутъ власти надъ рабами. — На Руси въ первыя времена христіанства церковный бракъ былъ тоже преимуществомъ лицъ высшаго сословія, а люди низшаго класса жили съ женами безъ вѣнчанія. Но противъ этого беззаконія возставали пастыри русской церкви и непокорныхъ церковнымъ постановленіямъ, вчиняя съ блудниками, отлучали отъ церкви.

Мысль о святости христіанскаго брака сказалась въ церковныхъ законахъ о недозволеніи брака въ извѣстныхъ близкихъ степеняхъ родства кровнаго и свойства, въ родствѣ отъ святаго крещенія. — Не только вѣнчаніе, но и предшествующее ему обрученіе, которое въ древности совершалось иногда за нѣсколько лѣтъ предъ бракомъ, почитаемо было столь священнымъ, что съ обрученной уже не могъ другой вступать въ бракъ при жизни жениха (Шест. соб. 98). Соотвѣтственно понятію о святости христіанскаго брака вѣнчаніе въ древности соединялось съ причащеніемъ св. Тайнъ, а пото-

му совершалось за литургією. Когда же оно совершалось послѣ литургіи, то женихъ и невѣста во время самаго вѣнчанія причащались преждеосвященныхъ Даровъ, причемъ священникъ возглашалъ: «святая святымъ». — По правилу Кареагенскаго собора (13) новобрачные, ради благоговѣнія къ совершенному надъ ними таинству, должны пребывать первую ночь въ дѣвствѣ. — Строгія церковныя наказанія за нарушеніе супружеской вѣрности (отлученіе отъ причащенія св. Таинъ на 7 — 15 лѣтъ) также свидѣлствуютъ, какъ высоко церковь смотритъ на святость брака. О томъ же свидѣлствуетъ воззрѣніе церкви на вторичныя браки. Церковь никогда не запрещала вторичныхъ браковъ, напротивъ отвергала какъ ложное, мнѣніе нѣкоторыхъ еретиковъ (Монтанистовъ и Новатіанъ), которые хотѣли за двоебрачіе отлучать отъ церкви; впрочемъ, согласно съ ученіемъ ап. Павла, церковь всегда воспрещала поставлять въ священныя степени двоеженцевъ. Кромѣ того, двоеженцамъ запрещалось причащаться св. Таинъ на одинъ годъ, троеженцу — на три года, въ наказаніе за недостатокъ терпѣнія, самообладанія и преданности въ волю Божию. Въ чинѣ вѣнчанія второбрачныхъ преобладаютъ молитвы о прощеніи имъ грѣха плотской немощи, побудившей ихъ вступить въ новый бракъ. По Василию Великому, третій бракъ только лучше распутства. Даже язычники въ этомъ отношеніи были строги. Солонъ опредѣлилъ тяжкое наказаніе тому изъ аѳинскихъ гражданъ, кто рѣшился бы дать своимъ дѣтямъ мачиху. — О несовмѣстности полигаміи съ христіанствомъ и говорить нечего.

Мормоны за ученіе о полигаміи лишены покровительства законовъ даже въ такой либеральной странѣ, какъ Сѣверо - Американскіе Штаты,

Ограждая святость брака, церковь подвергла анаѣмѣ бракоборцевъ (Прав. Апост. 5. 51. Гангр. 19. 14). О появленіи ихъ предрекъ ап. Павелъ (1 Тим. 4, 2. 5). По ученію евангельскому и апостольскому дѣвство одобряется, даже предпочитается браку, но оно никому не вмѣняется въ непремѣнную обязанность, а предоставляется только хотящимъ и могущимъ вмѣстить. По слову Апостола, «бракъ (самъ по себѣ) честенъ и ложе (*супружеское*) нескверно» (Евр. 13, 4). Не такъ смотрѣли на бракъ появившіеся послѣ апостоловъ лжеучители. Они гнушались бракомъ, какъ дѣломъ грѣховнымъ, и старались распространить свое гнушеніе повсюду, такъ что еслибы восторжествовало ихъ лжеученіе, родъ человѣческій скоро исчезъ бы съ лица земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и церковь. Апостолъ называетъ бракоборцевъ, имѣющихъ появиться между христіанами, лицемерными лжесловесниками, сожженными совѣстію. Это значитъ, что они будутъ возбранять бракъ во имя благочестія, почитая брачную жизнь препятствіемъ къ спасенію; но благочестіе ихъ будетъ лицемерно, ибо недобросовѣстно, — т. - е. гнушаясь бракомъ, они будутъ вести жизнь распутную, каковыми и были многіе изъ бракоборцевъ, появившихся вскорѣ послѣ временъ апостольскихъ. Бракоборство господствовало въ сектахъ Есеевъ, Сатурнина, Василида, Маркіона, потомъ у энкратитовъ, манихеевъ, овстаіанъ и друг. По ученію этихъ сектан-

товъ, заимствованному изъ восточной философіи, бракъ произошелъ отъ злаго начала. Потому нѣкоторые изъ нихъ, осуждая бракъ, предавались необузданному разврату, оправдывая себя тѣмъ, что тѣло есть произведеніе діавола и потому на зло ему надобно измощать тѣло посредствомъ распутства.)

Бракоборцы по убѣжденію существуютъ и въ наше время. Ихъ не мало въ Америкѣ, обильной всякаго рода сектами. Тамъ есть такъ называемые *библейскіе коммунисты*, которые проповѣдуютъ всеобщій бракъ, — пантагамію. Они признаютъ нездоровую и гибельную исключительную привязанность двухъ особъ другъ къ другу. Въ домашнемъ быту у нихъ господствуетъ кровосмѣшеніе, такъ что одна и та же женщина бываетъ и сестрою и женою своего мужа. — *Шекеры*, тоже американскіе сектанты, называютъ себя сынами благодати, вѣрятъ, что наступило воскресеніе мертвыхъ, и согласно словамъ Спасителя, что по воскресеніи люди не женятся ни посягаютъ, но живутъ какъ ангелы, — отрицаютъ бракъ, какъ не нужный для ангеловъ. — *Тункеры* же презираютъ бракъ какъ зло, отвергаютъ его, какъ одно изъ такихъ учрежденій, которыя исполняли свое назначеніе и теперь исчезли, по крайней мѣрѣ насколько это касается избранныхъ дѣтей благодати *).

Обратимся къ русскимъ бракоборцамъ. Главные между ними — безпоповцы Ѳедосѣвскаго толка. По ихъ

*) Свѣдѣнія объ американскихъ бракоборцахъ сообщаются въ книгѣ А. Надеждина: „Права и значеніе женщины въ христіанствѣ“. 1877 г. стр. 65—67.

ученію, брака со времени патріарха Никона нѣтъ, потому что некому вѣичать. Наступило царство антихриста. Не только священники, но и гражданскія власти, начиная съ царя, суть слуги антихриста. Государственные гербы на монетахъ и на документахъ — печати антихриста. — Ѳедосѣевцы проповѣдуютъ безбрачіе; но это не значить, что они проводятъ дѣвственную жизнь. Ихъ секта позволяетъ своимъ послѣдователямъ какъ въ мірѣ живущимъ, такъ и подвизающимся въ общинахъ или монастыряхъ блудное сожитіе къ общему соблазну согражданъ и крайнему несчастію незаконнорожденныхъ дѣтей. Блудное сожитіе они хоть и почитаютъ грѣхомъ, но, при отсутствіи благодати таинства брака въ антихристово время, грѣхомъ извинительнымъ и легко очищаемымъ. «Женатые грѣшатъ, да не каются, а мы грѣшимъ, да каемся», — говорятъ они. Вражда къ браку выражается у нихъ и въ другихъ болѣе грубыхъ поговоркахъ *). Дѣтей отъ блуднаго сожитія они не всегда держатъ при себѣ, но сбываютъ ихъ въ воспитательные дома, а прежде даже убивали и топили ихъ въ знаменитомъ Халиловскомъ прудѣ. Почитая бракъ непростительнымъ грѣхомъ, Ѳедосѣевцы поступающихъ въ ихъ общество женатыхъ людей разлучаютъ съ женами. Тѣ же, которые по переходѣ въ ихъ секту вступаютъ въ бракъ, совершаемый чрезъ родительское благословеніе, называются у нихъ новоженіями и, какъ величайшіе грѣшники, не допускаются въ общеніе съ ними въ молитвахъ, по-

*) Напримѣръ: „лучше семерыхъ родить, чѣмъ замужъ выходить“.

ка не разведутся. Дѣтей, рожденныхъ отъ новоженцевъ, Оедосѣвцы или не крестятъ, или если окрестятъ, то съ тѣмъ, чтобы матери не кормили ихъ грудью и своимъ молокомъ не оскверняли ихъ. — Такова бракоборная секта, уничтожающая въ корнѣ семейную жизнь, враждебная церкви и вредная государству. Между тѣмъ, какъ ни дико, какъ ни безнравственно ученіе этой секты, за нее, какъ и вообще за расколъ, стоятъ многіе органы гласности. Раздаются громкія жалобы на стѣснительныя для раскола законы, на неуваженіе къ свободѣ совѣсти. Противъ свободы совѣсти никто конечно не думаетъ возставать, запрещается только оказательство раскола, стѣсняется свобода его распространенія. Но защитники раскола требуютъ для него безусловной свободы въ богослуженіи и въ распространеніи его ученія даже путемъ печати. Намъ возмущаетъ сквернословіе на улицахъ и на площадяхъ; но въ случаѣ, еслибы расколу разрѣшено было защищать себя и распространяться посредствомъ печатной гласности, — это было бы ничѣмъ не лучше сквернословія: не только противъ церкви, но и противъ гражданской власти посыпались бы тогда въ печати омерзительныя выраженія, какія только можетъ придумать заклятой врагъ церкви и государства. Защитники раскола не боятся торжественнаго поруганія церкви, лишь бы господствовала свобода выраженія мнѣній. И пусть бы требовали этой свободы ни во что невѣрующіе и вмѣстѣ враждебно относящіеся къ существующему государственному строю. Къ сожалѣнію и между ревнителями православія есть многіе,

которые тоже стоятъ за свободу раскола, но которыхъ ревность къ православію омрачается враждою къ православному духовенству. Духовенство, по ихъ словамъ, ничего будто (!) не дѣлаетъ для противодѣйствія расколу путемъ убѣжденій, но оно пробудилось бы отъ постыдной спячки, еслибы стало лицомъ къ лицу предъ расколомъ свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Справедливъ или нѣтъ расчетъ такихъ защитниковъ свободы раскола, но во всякомъ случаѣ сочувствіемъ къ свободѣ раскола и ожесточенными нападеніями на духовенство они сильно поддерживаютъ расколъ въ его упорствѣ противъ истины. Предоставляя одному духовенству обличать и обращать раскольниковъ, они ни однимъ словомъ не проговаряются для вразумленія ихъ.

Всѣ исчисленные бракоборцы возстаютъ противъ брака по религіознымъ побужденіямъ. Но есть и такіе, которые отвергаютъ бракъ во имя чисто-животныхъ побужденій. Разумѣемъ нашихъ социалистовъ и нигмистовъ. Въмѣсто брака они проповѣдуютъ проституцію. «Нельзя считать падевіемъ, говорятъ и пишутъ они, если женщина предается съ полнѣйшею свободою половому наслажденію любовію. Дѣйствительное падевіе — бракъ. Проституція выше брака, и противъ публичныхъ женщинъ могутъ возставать только топорные пуристы формальнаго цѣломудрія» (см. изложеніе ихъ ученія въ Русскомъ Вѣстникѣ 1881 г. ноября, стр. 99). Дай волю этимъ бракоборцамъ, они весь міръ готовы были бы обратить въ непотребный домъ.

Къ бракоборцамъ должно отнести наконецъ тѣхъ,!

которые уклоняются отъ брака затѣмъ только, чтобы пожить въ свое удовольствіе. Брачная жизнь пугаетъ ихъ сопряженными съ нею тяжкими заботами и обязанностями. То ли дѣло, разсуждаютъ они, не отказывать себѣ ни въ чемъ, и всѣми удовольствіями наслаждаться спокойно, зная, что за вами не слѣдятъ ревнивые глаза жены, не тревожатъ дѣти. Бракъ они иначе не называютъ, какъ цѣпями, которыя опутываютъ мужа и жену такъ, что они лишены свободы ни идти, куда бы каждому изъ нихъ хотѣлось, ни разойтись. Они ненавидятъ бракъ, потому что ненавидятъ обязанности, которыя онъ налагаетъ. И слѣдуя сами такому возрѣнію на бракъ, они стараются навязать его другимъ, особенно тѣмъ, на кого простираютъ беззаконные виды. И кому не извѣстно, какія печальныя послѣдствія проистекають отъ того! Тамъ дѣвица, радость и утѣшеніе отца съ матерью, дѣлается легкою жертвою соблазна; здѣсь жена паруетъ супружескую вѣрность,—и счастье благословеннаго дотола семейства на вѣки пропадаетъ.

— Нарушеніе супружеской вѣрности есть одинъ изъ тяжкихъ грѣховъ, которыми оскорбляется святость брачного союза. О тяжести его можно судить по строгости епитимій, за него налагаемыхъ. Оно есть поруганіе благословенія Божія, освятившаго супружескій союзъ. Прелюбодѣй дастъ отвѣтъ передъ Богомъ не только за униженіе дара благодати, преподанной ему въ таинствѣ брака, но и за горе, которое онъ причиняетъ своимъ поведеніемъ вѣрной женѣ, за соблазнъ для дѣтей и ближнихъ, за тѣхъ лицъ, съ которыми онъ незакон-

ничаетъ. Къ сожалѣнію этотъ грѣхъ — обыкновенное явленіе въ наше время. Въ низшихъ слояхъ общества онъ усиливается отъ распространенія пьянства, отъ фабричной жизни, отвлекающей рабочаго человѣка отъ семьи; въ среднихъ и высшихъ кругахъ — отъ легкаго воззрѣнія на брачныя обязательства. Многіе не даютъ имъ никакого значенія, потому что не придаютъ значенія самому таинству брака: въ ихъ глазахъ это одна формальность, которой должно волей-неволей подчиняться для законности брака. Нарушеніе супружеской вѣрности они почти и грѣхомъ не почитаютъ. Развѣ я не могу отобѣдать въ ресторанахъ потому только, что у меня дома есть своя кухня? говорятъ они въ оправданіе своего беззаконія, не обращая вниманія на то, что ресторанъ самъ по себѣ не предосудителенъ, слѣдственно не можетъ быть сравниваемъ съ пріютомъ разврата. — Ходячія повсюду идеи о женской эманципациі пагубно отзываются на супружеской вѣрности. Иная жена, пропитанная этими идеями, до того увлекается мечтами о своихъ правахъ, что не хочетъ знать объ обязанностяхъ. Она имѣетъ общаго съ мужемъ только то, что живетъ подъ одною съ нимъ кровлею, но не признаетъ для себя обязательнымъ нераздѣльно принадлежать тому, съ кѣмъ должна составлять одну плоть. Напрасно мужъ сталъ бы напоминать ей о долгѣ, о приличіи; она назоветъ его требованія смѣшными, устарѣлыми, дикими, заговоритъ ему о сердечномъ влеченіи, какъ о единственномъ законѣ, которому она должна подчиняться въ выборѣ предмета личной прива-

занности. Напрасно мужъ сталъ бы указывать ей на дѣтей, данныхъ имъ отъ Бога; напрасно сталъ бы говорить ей, что дѣти должны быть предметомъ общей ихъ привязанности и любви, слѣдственно хотъ ради дѣтей ей не слѣдуетъ пренебрегать мужемъ: эманципированная жена всегда бываетъ дурная мать. Она тяготится дѣтьми, они ей мѣшаютъ пользоваться свободой жизни, а потому заботу о нихъ она сваливаетъ на однихъ нянекъ, кормилицъ, гувернеровъ. Понятно послѣ этого, каковы могутъ быть отношенія между супругами, изъ которыхъ одинъ признаетъ священными узъ брака, а другая ни во что ставитъ ихъ. Впрочемъ есть и такіе браки, гдѣ мужъ совершенно согласенъ съ ложнымъ мнѣніемъ жены объ эманципаціи и сквозь пальцы смотритъ на ея распущенное поведеніе, лишь бы только она не мѣшала ему самому жить такъ, какъ ему хочется, не стѣсняла его сношеній съ женщинами, которыя ему нравятся. Въ одной изъ нашихъ столицъ за нѣсколько лѣтъ была оригинальная свадьба. Женихъ и невѣста запаслись обручальными кольцами, на которыхъ вырѣзано было слово: *свобода*. Отъ чего свобода? Отъ супружескаго долга. Будемъ жить вмѣстѣ, разсуждали они, пока это удобно для насъ и пока не надобли другъ другу. Въ противномъ случаѣ каждый изъ насъ воленъ поступать какъ хочетъ, — даже выбрать для себя какое угодно знакомство, и т. далѣе. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ было и вступать въ бракъ? Бракъ есть обязательство, а отнюдь не свобода. Зачѣмъ было обручаться, зачѣмъ мѣняться обручальными коль-

цами? Эти кольца — залогъ супружеской вѣрности, — залогъ священный, ибо прежде чѣмъ священникъ вручаетъ ихъ жениху и невѣстѣ, онъ полагаетъ ихъ на престолъ, освящаетъ ихъ прикосновеніемъ къ нему, и потомъ уже съ молитвою соединяетъ ими жениха и невѣсту во имя святыя Троицы. Какое поруганіе святыни — знаки обязательства обращать въ знаки свободы отъ него! Какое возмутительное кощунство надъ церковнымъ священнодѣйствіемъ!

Святость брачнаго союза оскорбляется не одною супружескою невѣрностію, но и другими грѣхами, особенно раздорами между мужемъ и женой и вообще семейными неурядицами. Исчислять ихъ не имѣемъ времени. Скажемъ только, что семейныя неурядицы, ослабляя узы брачной жизни, бываютъ причиною исковъ о разводѣ. Разводъ возможенъ, по слову Христа Спасителя, въ случаѣ прелюбодѣянія, также, по слову ап. Павла въ случаѣ оставленія супругомъ нехристіаниномъ другаго супруга, принявшаго христіанство. Кромѣ того, не въ противорѣчіе словамъ Христа и Апостола, а отчасти съ примѣненіемъ къ разводу ученія о свободѣ отъ брачныхъ узъ въ случаѣ смерти одного изъ супруговъ, — по дѣйствующимъ у насъ законамъ бракъ можетъ быть расторгаетъ по причинѣ ссылки одного изъ супруговъ съ лишеніемъ правъ состоянія, если другой не послѣдуетъ за нимъ, — по безвѣстному отсутствію одного изъ супруговъ, продолжающемуся болѣе 5 лѣтъ. — Дозволеніе развода по природной неспособности къ супружескому сожитію, — также въ случаѣ взаимнаго согласія обоихъ супруговъ поступить въ монашество, можетъ

быть рассматриваемо, какъ дѣйствіе особеннаго списхожденія къ желающимъ разлученія, какъ исключеніе изъ общаго строгаго правила о разводахъ *). Но людямъ вѣка этихъ причинъ къ разводу недостаточно, — они хотятъ или добиться неограниченной свободы разводовъ, или расширить кругъ причинъ къ разводу. Въ послѣднемъ отношеніи многимъ хотѣлось бы достигнуть того же, что существуетъ въ протестантскихъ государствахъ. Такъ въ прусскихъ законахъ разводъ дозволяется по поводу жестокаго обращенія съ женою, зазорнаго промысла того или другаго изъ супруговъ, упорнаго пьянства, развратнаго поведенія, мотовства, вслѣдствіе явнаго отвращенія супруговъ другъ къ другу, когда нѣтъ надежды на примиреніе. Даже дозволяется искать развода безъ воли супруга, вслѣдствіе отвратительныхъ и тяжкихъ болѣзней его, затрудняющихъ исполненіе супружескихъ обязанностей. Прусскія законы предоставляютъ суду расторгать бракъ въ случаѣ бездѣтства, если рѣшеніе супруговъ можно будетъ признать въ семъ случаѣ обдуманнымъ. — Такое легкое отношеніе къ дѣлу о разводахъ понятно въ государствахъ протестантскихъ. Протестанты, хотя не отвергаютъ важности церковнаго благословенія для брака, не признаютъ бракъ за таинство, запечатлѣвающее особенною благодатію неразрывной

*) Подобное расширеніе поводовъ къ разводу существовало въ старинныхъ, давно недѣйствующихъ, законахъ византійскихъ императоровъ. Такъ мужу позволялось просить развода, если жена знаетъ заговоръ на жизнь царя и не откроетъ о томъ мужу, — и др. См. „Записки по церковному законодѣнію“, прот. Скворцева. 1861. стр. 229.

супружескій союзъ. Если бракъ есть простое обрядовое дѣйствіе, то конечно уничтожить силу брака есть дѣло менѣе противное благочестію, чѣмъ рѣшиться на это при воззрѣніи на него, какъ на таинство. Строгіе протестанты не одобряютъ разводовъ, но приириются съ ними потому, что видятъ въ нихъ и въ слѣдующихъ за ними новыхъ бракосочетаніяхъ лучшій исходъ изъ неправильнаго положенія въ несчастномъ бракѣ. Но съ христіанской точки зрѣнія не хорошо то, что въ виду легкой возможности освободиться отъ нелюбимаго лица посредствомъ развода съ нимъ ослабляются христіанскія отношенія къ нему, не принимается никакихъ мѣръ къ тому, чтобы при помощи христіанской любви и терпѣнія сдѣлать сколько нибудь сноснымъ продолженіе сожитія съ нимъ. [Уклоненіе отъ этого христіанскаго долга — дѣло не нравственное и нехристіанское. Если и чужіе должны носить немощи ближнихъ, не паче ли должно такъ поступать въ отношеніи къ своему мужу и женѣ. Какъ ни тяжело жить вмѣстѣ съ тѣмъ, къ кому не только не лежитъ сердце, но еще чувствуется положительное отвращеніе, — чувство долга должно преважнѣе. Христіанинъ ни въ какихъ обстоятельствахъ жизни не долженъ забывать заповѣди Христа о крестѣ и самоотверженіи. Скажутъ ли, что эта заповѣдь требуетъ отъ человѣка непосильной жертвы и неудобноисполнима? Но Христосъ не далъ бы заповѣди неудобноисполнимой и невозможнаго не потребовалъ бы отъ насъ. Онъ знаетъ нашу немощь для борьбы съ искушеніями, — Онъ даже одинъ вѣдаетъ человѣческаго существа немощь.]

Онъ притомъ не только всевѣдущъ, Онъ еще всемогущъ, — Онъ всегда готовъ дать помощь для исполненія заповѣди, которую Онъ же далъ. Вашъ мужъ буетъ, развратенъ, — жить съ нимъ сущій адъ. Но лучше здѣсь пережить адское состояніе, чѣмъ подвергнуться опасности попасть въ загробный адъ въ наказаніе за нетерпѣніе, за своевольное и дерзкое презрѣніе заповѣдей Господнихъ. Особенно безправственно искать развода съ мужемъ или женою по причинѣ ихъ тяжелой болѣзни. Болѣзнь — несчастіе. Несчастному надобно помогать, а не бѣжать отъ него. Такъ должно поступать не въ отношеніи только къ своимъ, но и къ чужимъ.)— Причиною иска разводовъ нерѣдко служитъ желаніе узаконить свои нечистыя отношенія къ другому лицу, ставшему между мужемъ и женою. Случается, что знакомство съ этимъ лицомъ переходитъ въ грѣшное пристрастіе и сопровождается нарушеніемъ супружеской вѣрности, и мирныя дотолѣ супружескія отношенія разстраиваются, а немирныя еще больше ухудшаются и является мысль о разводѣ съ надеждою счастливо зажить въ незаконномъ бракѣ съ любимымъ лицомъ. Говорятъ: „другого исхода нѣтъ. Человѣкъ не властенъ надъ своимъ сердцемъ. Положеніе человѣка, закономъ связаннаго съ однимъ, а сердцемъ преданнаго другому. — фальшивое положеніе, — лучше прекратить его“. Такъ выходитъ съ плотской точки зрѣнія. Но не такъ долженъ разсуждать христіанинъ. „Если око твое правое соблазняетъ, вырви его; если правая рука или нога соблазняетъ тебя, — отруби ихъ“, — вотъ заповѣдь Христова. Это значить, что

христіанинъ долженъ пресѣчь соблазнительное для него знакомство съ такимъ же сомоотверженіемъ, съ какимъ рѣшаются на операцію отсѣченія больныхъ членовъ тѣла. Пусть лице, къ которому ты привязался, для тебя дорого, какъ правый глазъ, сдѣлалось для тебя необходимымъ, какъ правая рука или нога, — прерви во что бы ни стало общеніе съ нимъ, не жалѣй себя здѣсь, чтобы въ наказаніе за продолженіе этого пагубнаго общенія не попасть въ геенну огненную. — Требуютъ измѣненія законовъ о разводѣ на болѣе льготные въ виду помянутыхъ поводовъ къ разводу. Но уступать эти требованія несогласно съ достоинствомъ законодательства. Эти требованія суть слѣдствія нравственнаго упадка въ обществѣ, — освящать ихъ закономъ значитъ узаконять беззаконіе. Законодательство должно противо-дѣйствовать нравственному упадку общества, а не малодушно подчиняться заявляемымъ жизнію легкомысленнымъ требованіямъ. Это было бы не законодательство, а контрактъ побѣдителя съ побѣжденными, оно очутилось бы въ положеніи побѣжденной стороны, самымъ унижительнымъ. Либералы отъ самой церкви требуютъ льготныхъ узаконеній для облегченія разводовъ. Но церковь не вправе отступать отъ древнихъ вселенскихъ каноновъ. Пусть такъ, говорятъ; но нельзя ли, не измѣняя законовъ, дѣлать снисхожденіе въ примѣненіи ихъ? Нельзя ли пустить въ ходъ теорію усмотрѣнія, которая, говорятъ, въ обширныхъ размѣрахъ практикуется въ единовѣрныхъ намъ церквахъ Востока, когда находятъ пужнымъ обойти законъ? — Но подобные примѣры

для насъ необязательны, особенно въ наше время, не удовлетворяющееся никакими уступками. Не дай Богъ, чтобы въ этомъ случаѣ законъ остался мертвою буквою и принято было въ нарушение его руководствоваться теоріею усмотрѣній. Сдѣлай на основаніи этой теоріи одному снисхожденіе, нельзя было бы отказать въ немъ другому, чтобы не навлечь упрека въ пристрастіи къ однимъ и къ несправедливости къ другимъ. — Недовольные нашими законами о разводахъ желали бы изъять судъ по этимъ дѣламъ изъ церковнаго вѣдомства и передать въ свѣтскіе суды. Но, повторимъ слова митрополита Платона, если бракъ есть таинство, а власть совершать таинства принадлежитъ церкви, то и уничтожать силу таинства, расторгать бракъ, можетъ одна церковь. Если свѣтскіе присвоютъ себѣ власть расторгать бракъ, то слѣдуетъ имъ и благословлять бракъ (Мнѣніе митрополита Платона, см. въ книгѣ: Предполагаемая реформа дух. суда. Часть 1. § 85). Передать церковное дѣло свѣтскимъ судамъ и предоставить церкви только исполненіе ихъ рѣшеній, уничтоженіе силы таинства, значитъ подвергать крайнему уничтоженію церковь. Благодаря извѣстному искусству адвокатовъ бѣлое дѣлать чернымъ и черное бѣлымъ, легко торжествовала бы на свѣтскихъ судахъ по этимъ дѣламъ самая вопіющая неправда: сообразно ли было бы съ достоинствомъ церкви закрѣплять ее своимъ утвержденіемъ? — Жалуются на крайнюю неудовлетворительность приказныхъ формъ консисторскаго суда по дѣламъ бракоразводнымъ. Это правда, но дѣло поправимое. Нѣсколько лѣтъ тому

назадъ былъ разсматриваемъ въ особомъ комитетѣ проектъ реформы духовнаго суда. Проектомъ предполагено было изъять бракоразводныя дѣла изъ духовства. Предположеніе не было принято, но необходимость улучшенія консисторскаго судопроизводства была признана всѣми, и надобно думать, что реформа въ этомъ смыслѣ современемъ осуществится и для жалобъ на епархіальный судъ не будетъ справедливаго повода.

Съ бракоразводнымъ вопросомъ имѣетъ связь вопросъ о гражданскихъ бракахъ. Брачный разводъ несомнѣтенъ съ заповѣдію Христовою: *аже Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ*. Но если сочетаваетъ человекъ, то человекъ же и разлучать можетъ,—дѣло человѣческое можетъ быть разрушаемо человекомъ же.—Гражданская форма брака явилась сначала въ Голландіи, потомъ, со времени революціи, во Франціи, позже въ Бельгіи, въ Австріи и другихъ странахъ. Изъ православныхъ государствъ она существуетъ только въ Румыніи, гдѣ въ 1864 году, по настоянію господаря князя Кузы, стремившагося повсюду вводить французскіе обычаи вопреки желанію и правамъ народа, приняты въ законъ постановленія французскаго кодекса о бракахъ. Нужно ли желать, чтобы и у насъ появился подобный законъ? Нужно ли желать, чтобы бракъ православныхъ русскихъ заключался не въ церкви, при посредничествѣ священнослужителя, а въ камерѣ мирового судьи, нотаріуса, въ квартирѣ участковаго пристава, въ волостномъ правленіи? Нужно ли намъ въ этомъ отношеніи брать за образецъ иностранныя государства? Избави Богъ.

Тамъ гражданская форма брака введена вслѣдствіе условій, совершенно чуждыхъ нашей жизни. Прежде всего она появилась въ странахъ съ господствующимъ римскокатолическимъ вѣроисповѣданіемъ. Римская церковь рѣдко уживается мирно съ государствомъ вслѣдствіе притязаній на политическое преобладаніе, вслѣдствіе стремленій къ достиженію отдѣльныхъ отъ государства политическихъ цѣлей. Въ видахъ противодѣйствія этимъ стремленіямъ, для государства на западѣ стало потребностію провозгласить теорію отдѣленія церкви отъ государства. Эта теорія должна была коснуться и брака по поводу непрерывныхъ пререканій о бракѣ между церковію и государствомъ, напримѣръ по поводу пререканій о смѣшанныхъ бракахъ и о степеняхъ родства дозволи-тельныхъ для брака. Бракъ взятъ государственною властію въ свое завѣдываніе и гражданская форма брака явилась въ смыслѣ или общеобязательной, или дозволенной и произвольной формы, съ предоставленіемъ впро-чемъ, и въ первомъ случаѣ, послѣ гражданского заключенія брака обращаться желающимъ къ благословенію церкви. Въ государствахъ протестантскихъ еще легче было дать мірской характеръ заключенію браковъ при отрицаніи таинства брака. — Въ нашемъ отечествѣ нѣтъ ничего похожего на борьбу церкви съ государствомъ. Наша церковь уважаетъ законы государства, и государство всегда соображаетъ свои узаконенія съ церковными. При такомъ единеніи церкви и государства есть ли какая надобность сочинять и вводить въ дѣйствіе граждан-

скую форму браковъ? *). Для кого она нужна? Для вѣрующихъ? Напротивъ, это только возмутило бы ихъ совѣсть, оскорбило бы ихъ религіозное чувство. Для невѣрующихъ, число которыхъ возрастаетъ значительно въ наше несчастное время?—Но измѣнять въ угоду имъ вѣковые законы о бракѣ значило бы только поощрять ихъ нечестіе къ соблазну вѣрующихъ душъ. Но съ другой стороны нельзя же вѣнчать ихъ въ церкви, когда всѣмъ извѣстно ихъ невѣріе и пренебреженіе къ церкви. Какъ тутъ быть?—Ничего тутъ не остается дѣлать, какъ предать ихъ дѣйствию ихъ злой воли: *скверный да сквернится еще, неправедный да творитъ неправду еще*,— и молить Господа о вразумленіи ихъ. Но какъ быть съ дѣтьми отъ незаконныхъ сожитій этихъ людей?—Дѣтей надо пожалѣть. Они невиновны, что имѣютъ невѣрующихъ и нечестивыхъ родителей. Не беремся здѣсь рѣшать вопросъ о гражданскихъ и имущественныхъ правахъ незаконнорожденныхъ дѣтей. По крайней мѣрѣ надобно позаботиться о религіозно-нравственномъ ихъ воспитаніи. Этихъ несчастныхъ дѣтей непременно надобно оградить отъ нечестія ихъ родителей, отъ ихъ пагубнаго воспитанія. Можно ли это сдѣлать, не разлучая ихъ съ родителями? Можно. У насъ есть институтъ воспріемниковъ или поручителей за вѣру крещаемыхъ. Дѣло воспріемниковъ не въ томъ только состоятъ, чтобы постоять при купели, прочесть

*) Подробную критику гражданскихъ браковъ см. въ сочиненіи К. П. Побѣдоносцева: Курсъ гражд. права, ч. 2. 1875 г., стр 61 и д.

за крещаемого символъ вѣры, принять на себя извѣстные расходы, но главнымъ образомъ въ попеченіи о воспитаніи крестныхъ дѣтей въ духѣ вѣры и благочестія, въ страхѣ Божиѣмъ, въ послушаніи св. Церкви. Устранять восприемника отъ этого попеченія не вправѣ плотскіе родители. Ихъ дѣти суть вмѣстѣ дѣти Церкви. Она имѣетъ надъ ними непререкаемую духовную власть, — она ихъ мать. Но такъ какъ всей церковной общинѣ неудобно слѣдить за каждымъ изъ своихъ членовъ, то ближайшее попеченіе о дѣтяхъ возлагается на ихъ восприемниковъ, которые въ семъ случаѣ являются представителями церковнаго общества и обязаны наблюдать за отношеніями къ своимъ крестникамъ плотскихъ родителей ихъ, не вредятъ ли эти отношенія вѣрѣ и благочестію дѣтей, не препятствуютъ ли имъ быть истинными чадами Церкви. Особенно зорко должно слѣдить за воспитаніемъ дѣтей родителей невѣрующихъ и нечестивыхъ. Не дай Богъ дѣтямъ ^{не}имѣть такихъ родителей. Отъ незаконныхъ сожитій раждающіяся дѣти вообще подвергаются опасности или совсѣмъ не получить воспитанія, или получить худое. Но эта опасность увеличивается, если незаконно-сожительствующіе родители недугуютъ невѣріемъ и нечестіемъ. Ни церковь, ни государство не въ силахъ пресѣчь незаконныя сожитія, — по крайней мѣрѣ они могутъ и должны принимать мѣры къ спасенію отъ нравственнаго растлѣнія незаконнорожденныхъ дѣтей. Церковь не должна терять въ нихъ послушныхъ чадъ, государство — благонадежныхъ гражданъ.
